

Сергей Казанов

НАЧАЛА СШИВАНИЯ · КНИГА ПЕРВАЯ · 2029–2038

КТО ПОДПИСЫВАЕТ

Риск низкий. Принять.

14.11.2029. Партия 4417, фланцы, 84 шт.

Измерила сама три штуки:

219,4 / 219,3 / 219,5

В допуске.

Инженер входного контроля

(подпись)

(расшифровка подписи)

(дата)

Сергей Казанов

Кто подписывает

<https://litres.ru/74536928>

SelfPub; 2026

Аннотация

2029 год. Акт входного контроля агент собирает за четыре минуты и не ошибается. Подпись человека под актом по-прежнему обязательна. Зачем она, если машина вряд ли ошибётся?

Десять рассказов о десяти годах, с 2029-го по 2038-й. Контролёры и диспетчер электросети, ученик по квоте и следователь, семья, которая вместе с машиной считает, заводить ли второго ребёнка, комиссия по расследованию аварии, вербовщик, молодой чиновник, который раз в месяц приезжает удостовериться, что последняя жительница деревни жива, начальник отдела готовности и верификатор. Никто из них не ошибается. Каждый подписывает.

Книгу открывает увертюра «Гладкое время», хроника одной семьи до 2100 года, а закрывает кода из 2086-го. Первая книга цикла «Начала сшивания».

Содержание

Гладкое время	4
2029. Партия 4417	5
2034. Заключение	8
2046. Ольховка	11
2057. Обратная стройка	14
2065. Отъезд	16
2074. Привезённая	18
2084. Передача	20
2093. Сшивание	22
2100. Гладкое время	24
Партия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Казанов

Кто подписывает

Гладкое время

Увертюра. Хроника рода Ремезовых, 2029–2100

2029. Партия 4417

Комбинат работал по ночам. Ночью киловатт стоил втрое дешевле, и входной контроль переехал в темноту вместе со всеми.

Вера пришла к десяти. У проходной горело табло с ценой на ближайшие шесть часов. Цена была хорошая. Значит, гнать будут до утра.

В бытовке сидел Селиванов и пил чай из банки. Куртку он не снимал никогда, даже летом.

— Четыре тысячи четыреста семнадцать, — сказал он вместо здравствуйте. — Фланцы. Ждёт твоей подписи.

Акт был готов. Агент всё проверил и собрал его за четыре минуты: сертификат завода-изготовителя подлинный, проверен по реестру, номер плавки сходится с сопроводительной документацией, геометрия снята и выверена по снимкам. Все восемьдесят четыре штуки в допуске, худшая двенадцатая, и та с запасом. Поднята история поставщика за одиннадцать лет: две рекламации, обе давние и по другой номенклатуре. Риск низкий. Принять.

Внизу стояло поле для подписи. Её.

— Аркадий Петрович. А зачем я?

— В каком смысле.

— Он же всё сделал. И лучше, чем я сделаю. Он не устает и не пропустит брак. Зачем здесь нужна я?

Селиванов подул на чай.

— Затем, что он не может отвечать. Отвечать может тот, у кого есть что терять. У тебя квартира и трудовая. Вот ты и отвечаешь.

— Это же не проверка. Это страховка.

— Страховка, — согласился он. — И что?

По коридору кто-то прошёл в сторону лестницы, и Селиванов проводил его глазами.

— Кутепов пошёл, — сказал он. — Из мобилизационного. Днём его никто никогда не видел.

Вера посидела ещё, потом взяла со стеллажа штангенциркуль с действующей поверкой и пошла на склад.

Идти было далеко, через два пролёта и мимо линии, где не было ни одного человека. На линии что-то мерно щёлкало и шипело. Она пришла в четвёртом часу, партию ещё не растапили. Она вскрыла ящик, вынула три фланца, из середины, снизу и сверху, первые попавшиеся. Положила их на холодный железный стол и промерила сама, при свете фонаря.

Все три были в допуске. Разумеется.

Она вернулась, подписала, партия ушла в производство. Потом достала из сумки тетрадь в клетку, купленную в тот же день в киоске у остановки, и написала на первой странице:

14.11.2029. Партия 4417, фланцы, 84 шт. Измерила сама три штуки: 219,4 / 219,3 / 219,5. В допуске. В. Ремезова.

Селиванов заглянул через плечо.

— Это что?

— То, что я видела своими глазами.

— Юридической силы ноль.

— Знаю.

— Времени жалко.

— Знаю.

Он допил, сполоснул банку, надел шапку.

— У нас в отделе двенадцать человек было. Давно. — Он постоял в дверях. — Ты продолжай.

Ушёл он в седьмом часу. Вера досидела смену, сдала ключи и вышла на улицу, где было минус девятнадцать и ещё темно. Табло у проходной показывало новую цену, дневную. Она была втрое выше.

2034. Заключение

Кран-балка сложилась в третьем пролёте во вторник, в пересменку. В пересменку под ней обычно проходило человек пятнадцать. В тот вторник внизу было двое. Одного задело. Он выжил, через полгода вышел на работу, но левая рука у него больше не поднималась выше плеча.

Комиссия приехала на четвёртый день. Вера была на седьмом месяце и сидела боком, потому что прямо не получалось.

Документы были безупречны.

Металл сертифицирован, сертификат реестровый и проверенный. Расчёт узла выполнен агентом и перепроверен вторым агентом другой линейки, независимо, как положено. Акты входного контроля подписаны. Акты освидетельствования подписаны. Регламент обслуживания соблюден с точностью до дня — за одиннадцать лет, ни одного просроченного мероприятия.

Никто за эти одиннадцать лет ни разу не поднялся наверх и не посмотрел.

Председателем была женщина лет семидесяти, Ирина Львовна, из головной. Вопросы она задавала медленно.

— Мне нужны записи о фактическом осмотре конструкции. За пять лет. Не акты. Записи о том, что человек подошёл и посмотрел.

Стало тихо.

— Их нет, — сказал главный инженер.

— По предприятию нет?

— По отрасли нет.

Вера положила на стол общую тетрадь в клетку. Кто-то в конце зала хмыкнул.

— Что это?

— То, что я лично осматривала и измеряла с ноября двадцать девятого. Кран-балки здесь нет, я не могла охватить всё. Но где подходила, там записано.

— Юридической силы у этого нет.

— Никакой.

Ирина Львовна взяла тетрадь и молча листала её минуты четыре. Задетый крановщик сидел в первом ряду и смотрел в стол.

В перечне лиц, чьи подписи стояли в цепочке, знакомая фамилия шла четвёртой сверху. Вера прочла её и ничего не сказала. Она аттестовала его три года назад, по квоте, потому что других не было.

Перерыв объявили в половине первого. В коридоре пахло столовой. Ирина Львовна закурила у окна, под табличкой «Не курить».

— Вам когда?

— В январе.

— Первый?

— Первый.

— В январе сейчас хорошо, — сказала Ирина Львовна непонятно к чему. — Тихо.

Она закурила, затушила о подоконник, и они вернулись в зал.

Заключение вышло через месяц: нарушений не выявлено, вина конкретных лиц не установлена, рекомендовано усилить производственный контроль за техническим состоянием подъёмных сооружений.

Тетрадь вернули на перроне, перед вечерним поездом. Вера взяла её неловко, тетрадь выскользнула и упала на асфальт, и нагнуться Вера не могла. Ирина Львовна подняла сама, отряхнула и подала.

— Всего доброго.

Поезд простоял четыре минуты.

2046. Ольховка

Ехали электричкой, потом автобусом, потом восемь километров на попутном грузовике с бригадой обратной стройки. Митя сидел в кузове между матерью и бригадиром. Бригадир всю дорогу говорил про шифер. Снимать правильно снизу вверх и не торопясь: целый лист берут, битый идёт в отсев, аккуратно. Иначе пыль от него потом из лёгких не выходит.

Ольховка стояла в низине среди ольхи, откуда и название. Домов было около двухсот. Жило одиннадцать человек.

Он ждал, что будет страшно, а было просто тихо. Такой тишины он раньше не слышал и не знал, что бывает тишина, в которой слышно, как течёт вода через три улицы.

Комиссия работала два дня. Мать ходила с планшетом и сверяла: адрес, статус, вывезено, оставлено, отключено. Митя ходил за ней и на второй день заскучал.

— Мам, тут интернет вообще не ловит.

— Не ловит.

— У Саньки брат говорит, что весь этот разбор потом в отчёт пишут слопом. Одно и то же на все посёлки, только адреса меняют.

— Нейрослоп, — сказала мать.

Митя поморщился.

— Так никто не говорит уже.

Вечером она села на крыльцо дома, где родилась его ба-

бушка, вынула тетрадь и стала переписывать в неё адреса. От руки. Все двести с чем-то.

— Это же всё в акте есть.

— Есть.

— И в реестре тоже, я смотрел.

— И в реестре тоже. — Она перевернула страницу. — Ты хочешь спросить, зачем тогда я пишу.

— Ну да.

Мать дописала строчку и подула на неё, хотя чернила давно так не размазывались.

— Затем, что через сто лет никто не поверит, что тут жили люди, если это написал не человек.

Он сказал, что в реестре надёжнее, реестр не потеряется и не сгорит. Мать согласилась, что надёжнее, и дала ему ручку.

— Пиши сорок шестой. Улица Полевая, дом два.

Почерк вышел ужасный, буквы полезли вниз, «Полевая» он начал с маленькой. Мать не поправила.

— Одна остаётся, — сказала она, не поднимая головы. — Клавдия Матвеевна, восемьдесят девять. Ехать отказалась, и по закону имеет право.

— А остальные когда?

— К ноябрю вывезут.

— А ей тогда что?

— А ей оставят линию. И насосную. И дорогу будут чистить всю зиму.

— И куклу ей поставят?

— От куклы тоже отказалась.

Обратно ехали тем же грузовиком. Бригадир спал.

2057. Обратная стройка

Комбинат разбирали с юга, от старых цехов. Митя приехал со своей бригадой в мае, когда всё цвело так, что резало глаза.

Мать подписывала акты вывода из эксплуатации. Уже не как начальник ОТК, потому что ОТК не стало вместе с производством, а как представитель собственника. Работы было часа на два в день, остальные шесть она ходила по площадке.

Восточную часть, за третьим пролётом, разбирать запретили. Она стояла огороженная, с новым забором и без объяснений, и бригада обходила её стороной.

Мать нашла его в третьем пролёте. От кран-балки на колоннах остались срезанные консоли, четыре обрубка метрах в шести над полом.

— Здесь сидел входной контроль. Отсюда и до колонны. Стол, стеллаж, изолятор брака вон там.

Митя кивнул, приложил дальномер к колонне и записал число.

— Что меряешь?

— Где резать. Ферма пойдёт целиком, её забирают под ангар в Кушве. Хорошая ферма, ещё сто лет простоит.

Работал он спокойно, и люди у него ходили не бегом, а ровно.

— Я всю жизнь проверяла, что вещи годные, — сказала

она. — А ты проверяешь, что они больше не нужны.

— Нужны или нет, решили без меня. Я смотрю, на что они ещё годятся. Это в дело, это на переплав, это в отсев. То же самое, что ты делала, только с другого конца.

— И бумага такая же?

— Акт. Подпись моя.

Он опустил дальномер.

— Мам. Поедем со мной. Тут же ничего не остаётся.

— Тут остаюсь я.

— Это не аргумент.

— Это единственный аргумент, который у людей бывает.

Ферму резали после обеда. Искры шли длинной белой дугой и гасли, не долетая до бетона. Резак был на одной высокой ноте. Вера отошла к воротам. Резали до темноты, и она простояла всё это время. От ворот теперь было видно весь третий пролёт и пустой бетон там, где когда-то стоял её стол.

2065. Отъезд

Контракт был на четырнадцать листов. Языковая подготовка на два года оплаченная, жильё, медицина на семью, подъёмные. Отдельным приложением обязательства по обучению ребёнка. Отдельным пунктом, одиннадцатым, участие в мероприятиях по готовности принимающей стороны, и что это значит, не понимал никто, включая юриста.

Ехал он в Каминоуру, на побережье. Там от моря отступали сорок лет по графику, квартал за кварталом, и разбирали больше, чем строили.

Провожали с вокзала, где из шести путей фактически работало два.

Ася сидела у отца на руках, вцепившись в воротник.

— Мам, отдай тетрадь, — сказал Митя. — Там Ольховка. И строчка моя.

Вера покачала головой.

— Почему?

— Это моя тетрадь. В ней то, что я сама видела. Заведи свою.

Митя передал Асю жене, взял чемоданы и пошёл к вагону первым.

Поезд ушёл в девятнадцать сорок. На урне остался стаканчик. Вера дошла до конца платформы, повернула и пошла домой пешком, через город, где на каждой второй улице го-

рел лишь один фонарь из трёх.

2074. Привезённая

В Каминоуре от моря отступали полвека. Раз в несколько лет крайнюю к воде полосу разбирали, а новую ставили вглубь суши.

Двух мальчиков в классе выкупили целиком, с семьями. Приехали почти все, так что слово было общее.

В первый же месяц его крикнули в коридоре, ни в кого. Обернулась Ася одна. С тех пор привезённой звали её.

По тому, как отец разувался в прихожей, она знала, каким будет вечер.

В тот вечер он пришёл, сел, снял ботинки и долго молчал.

— Что? — спросила мать.

— Кубота-сан прошёл комиссию.

— И?

— И ему восемьдесят два, и он здоров, и он лучший в фирме. — Митя потёр лицо. — Проработает ещё пятнадцать лет. Как минимум.

Мать поставила перед ним тарелку.

— Значит, я младший инженер в сорок, — сказал он ровно, будто читал сводку. — И буду младшим инженером в пятьдесят пять. Всё правильно. Он лучше меня. Его не за что снимать.

Ася сидела в углу с уроками и делала вид, что не слушает.

В пятницу звонила бабушка. Связь была плохая, картинка

рассыпалась, перешли на голос.

— Ася. Ты сегодня проверяла что-нибудь сама?

Это была семейная шутка. Отвечать полагалось «нет, бабушка» и смеяться.

— Задачу по химии. Агент решил, а я пересчитала. Сошлось.

На том конце помолчали, потом что-то щёлкнуло, и связь оборвалась совсем. Перезванивать было дорого.

2084. Передача

Ася прилетела в июне. От станции до бабушкиного дома пошла пешком и дважды свернула не туда.

Город стал вдвое меньше и вдвое ухоженнее. Выключенных кварталов было больше, чем жилых. Стояли они аккуратные, законсервированные, с заваренными дверями. По ним водили школьников. Пахло травой: асфальт с окраин сняли.

Бабушка открыла дверь, посмотрела снизу вверх и сказала:

— Ты худая.

Три дня они ходили и разговаривали. Ася рассказывала про работу. Работа была хорошая и важная: она подтверждала подлинность, но не в Своде, а в другой системе, распределённой, без единого центра, где каждое подтверждение стоит на живых свидетелях и физических носителях и где ничего нельзя сделать быстро.

— Мы медленные, бабушка, ты не представляешь. Диплом подтверждаем три недели. Три! В Своде это секунда. Зато нас нельзя отключить. Нас некому отключить, потому что нет никого, кто нами владеет.

— А Сводом кто-то владеет?

— Конечно. — Ася назвала имя.

Вера повторила его про себя. Имя было знакомое и не

вспоминалось. Что-то из тридцатых, из газет, что-то про долги и про скупку.

— Все говорят, что мы динозавры, — сказала Ася.

— Все правы.

Ася засмеялась.

На четвёртый день, перед отъездом, Вера вынула тетрадь и положила на стол. Она была толстая от вложенных листов, углы стёрлись, обложка давно потеряла цвет. Первая запись четырнадцатое ноября двадцать девятого. Последняя прошлый вторник.

Ася листала долго. Дошла до кривой строчки «улица полевая дом два», написанной детским почерком, и подняла глаза.

— Это папа?

— Ему было одиннадцать.

Ася закрыла тетрадь, положила на обложку ладонь.

— Это очень красиво. И это ничего не значит. Свод делает то же самое лучше: быстрее, точнее, без ошибок и без вот этого. — Она постучала по обложке. — Даже наша система делает лучше. Тетрадь не проверить. Её можно переписать за вечер, и никто не отличит.

— Конечно.

— Тогда зачем?

— Незачем, — сказала Вера. — Возьми.

2093. Сшивание

Совещание шло два часа и было исключительно вежливым.

Ася сидела с краю и слушала, как её систему закрывают люди, каждый из которых был прав.

Прав был финансист: одно подтверждение в её системе стоило в тысячи раз дороже, чем в Своде. Живые поручители, выездные свидетели, бумажный архив. Две тысячи человек по стране заняты тем, что машина делает практически даром, а взять их больше неоткуда. Прав был юрист: двойное подтверждение порождает коллизии, коллизий за прошлый год было четыреста с лишним, три из них дошли до суда, и все три суда встали на сторону Свода. Прав был врач, который сказал спокойно и без нажима, что в прошлом году двое умерли, пока три недели подтверждали их медицинские карты.

Против был один довод. Назвала его она.

— Если Свод когда-нибудь откажет, не останется ничего.

Все посмотрели на неё внимательно и уважительно. Финансист даже кивнул. Потом главный по региону, усталый человек лет девяноста, ответил:

— Анастасия Дмитриевна. Свод работает шестьдесят один год. Он не отказывал ни разу. Ни разу, нигде, ни на секунду. Вы предлагаете платить за страховку от события, ко-

того не было ни разу за две трети столетия. Я не могу это обосновать. Нет графы, куда это вписать.

— Я знаю.

— И вы понимаете, что я прав.

— Понимаю.

Передаточный акт она подписала в тот же день, потому что тянуть было незачем. Реестр выгрузили, сверили, приняли. Принимающей стороной в акте стояло то же имя, что она когда-то называла бабушке.

Домой она пришла поздно. Лев спал. Ему было три года, в квартале его знали все, и на улице с ним здоровались чужие люди.

Ася налила чаю, посидела и достала из ящика тетрадь, которую не открывала девять лет.

11.03.2093. Передала реестр в Свод. Присутствовала лично. Проверила сама: наш реестр пуст.

Ручка кончилась на последнем слове, и она дописала другой, синей вместо чёрной.

2100. Гладкое время

Вера жила в старом доме на краю города, без спутника, ходила сама, читала без очков, летом занималась садом и раз в неделю ездила через реку. Делать там было нечего: берег стоял пустой и охраняемый, ходили лоси.

Спорить к этому времени стало почти не о чем. Любой факт устанавливался мгновенно: кто это сказал, когда, было ли, чья вещь, что показал прибор. Свод не ошибался. Люди по-прежнему ссорились, разводились и не разговаривали с родителями, но о том, что произошло на самом деле, больше не спорил никто, это стало так же бессмысленно, как спорить о погоде за окном.

Ася привезла Льва в июле. Тетрадь привезла тоже и убрала в комод.

Мальчик был обычный, довольно скучный, помешанный на насекомых. Детей было мало. На весь квартал четверо, и все четверо росли под таким количеством взрослых глаз, что Вере иногда становилось их жалко.

На третий день он залез в комод и вытащил её.

— Что это?

— Дай сюда. — Она открыла на первой странице и подвинула ему. — Читай.

Он прочитал вслух, спотыкаясь на почерке:

— «Четырнадцатое ноября две тысячи двадцать девятого.

Партия четыре тысячи четыреста семнадцать, фланцы, восемьдесят четыре штуки. Измерила сама три штуки». Что такое фланцы?

Она объяснила. Про завод, про входной контроль, про то, что раньше вещи приезжали и никто не знал наверняка, годные они или нет, и надо было проверять, и за это отвечал человек. Уложились в три предложения, и сама удивилась, как мало остаётся от целого мира, если рассказывать его ребёнку.

— А зачем ты меряла, если бумага уже была?

— Затем, что бумагу написала не я.

— Но она же была правильная.

— Почти всегда правильная.

— Почти это сколько?

Вера подумала.

— За семьдесят лет я нашла своими руками четыре ошибки. Четыре. Это очень мало, Лёва.

— Тогда зачем? — сказал он, и в голосе не было ни насмешки, ни спора. Он правда не понимал.

Ответа у неё не было. То есть был, она носила его семьдесят один год, но он не переводился на язык десятилетнего человека две тысячи сорока года, а придумывать красивое... ей было девяносто шесть лет и совершенно не хотелось.

— Я тоже так думала, — сказала она. — Всю жизнь думала, что незачем.

Она взяла карандаш и написала на чистой странице:

22.07.2100. Дома. Всё хорошо. Смотрела сама.

Потом закрыла тетрадь и положила мальчику на колени вместе с карандашом.

— Пиши, что видел сам.

— А если это никому не нужно?

— Скорее всего, не нужно.

Он взял. Не потому, что понял, а потому, что ему было десять лет и его попросила прабабушка.

Вечером он вывел на следующей строчке, крупно и без наклона: «*22.07.2100. Жук. Сам поймал*», и нарисовал жука, довольно похожего.

Тетрадь была ещё наполовину пустая. Места хватало.

Партия

2029

1

ПОДПИСЬ КОНТРОЛЁРА. ...В начале гладкого времени проверку уже выполняли машины, а подпись человека под ней оставалась обязательной. Современники называли такую подпись страховкой... ...Тогда же появляется частная запись личного осмотра. Самая ранняя из известных датирована 14 ноября 2029 года...

«Начала шивания». Пособие для готовящихся к допуску,
2131

Селиванову было шестьдесят восемь лет. В отдел входного контроля он пришёл в восемьдесят третьем, сразу после института, и пережил в нём девять начальников. Приходил он всегда за час до смены. Смены на комбинате с позапрошлой зимы были ночные, по дешёвому тарифу. Отдел работал вместе с цехами.

С весны отдел сидел в бытовке: два стола, терминал и стеллаж с инструментом. Большую комнату за стеной перестали отапливать, когда в отделе остались двое, он и Вера Ремезова. Там стояли шкафы с архивом, полки с бумажными журналами за сорок лет и столы, которые так и не вывезли.

Агента поставили в феврале. Акт входного контроля он собирал за четыре минуты: сверял сертификат с реестром,

номер плавки с сопроводительными документами, снимки с чертежом, поднимал историю поставщика и выводил оценку риска. Первый месяц Селиванов с ним спорил. Агент не спорил в ответ. Он соглашался, исправлял и благодарил за замечание. К марту Селиванов спорить перестал.

Акты за сутки агент выкладывал к восьми вечера и делил между ними через один. Селиванов читал все, по порядку, с первой строки до последней, по двадцать минут на акт. Чай он заваривал прямо в банке и пакетик не вынимал до утра.

Партия четыре тысячи четыреста семнадцать поступила в половине седьмого вечера. Фланцы воротниковые, сталь 12Х1МФ, поставщик ООО «Северный фланец». Сертификат завода-изготовителя подлинный, проверен по реестру. Номер плавки сходится с сопроводительной документацией. Геометрия снята и выверена по снимкам поставщика, все восемьдесят четыре штуки в допуске, худшая двенадцатая, и та с запасом. История поставщика за одиннадцать лет: две рекламации, обе давние и по другой номенклатуре. Риск низкий. Принять.

Под чертой шли служебные поля. Вера до них обычно не дочитывала. Место хранения: склад № 2, в таре поставщика. Назначение: ремонт паропровода ПП-3, цех № 4. Примечания: спектральный анализ не проводился, оборудование на предприятии отсутствует, марка стали принята по сертификату.

Селиванов снял очки.

Вера пришла к десяти и повесила сумку на спинку стула. Ей было двадцать пять, в отделе она работала второй год и была в нём младшей, что при двух сотрудниках особо ничего не значило.

— Четыре тысячи четыреста семнадцать, — сказал Селиванов вместо здравствуйте. — Фланцы. Ждёт твоей подписи.

Она села к терминалу, прочла акт до слова «Принять» и остановилась над полем для подписи.

— Аркадий Петрович. А зачем я?

— В каком смысле.

— Он же всё сделал. И лучше, чем я сделаю. Он не устаёт и не пропустит брак. Зачем здесь нужна я?

Селиванов подул на чай.

— Затем, что он не может отвечать. Отвечать может тот, у кого есть что терять. У тебя квартира и трудовая. Вот ты и отвечаешь.

— Это же не проверка. Это страховка.

— Страховка, — согласился он. — И что?

По коридору кто-то прошёл в сторону лестницы, и Селиванов проводил его глазами.

— Кутепов пошёл, — сказал он. — Из мобилизационного. Днём его никто никогда не видел.

— А ночью он что делает?

— Готовится.

— К чему?

— У него спроси. Мне он говорит, что к проверке.

Вера повернулась обратно к экрану. Поле для подписи никуда не делось.

— Я посчитала, Аркадий Петрович, — сказала она. — С февраля агент собрал три тысячи восемьсот актов. Вы нашли у него две ошибки, и обе опечатки. А у меня в ручных замерах он за то же время поймал девять, и одну по допуску. Если кто-то здесь и лишний, то я.

— По ошибкам лишняя, — сказал Селиванов. — По подписи нет. Ошибки считают в головной, а подпись смотрят в суде.

— Тогда пусть в суде смотрят на фирму, которая его продала.

— На фирму, — охотно повторил Селиванов. — А договор с ними ты читала?

— Нет.

— А я читал. Пункт восемь, подпункт три. Ответственность исполнителя ограничена абонентской платой за один месяц. Это меньше, чем стоит эта партия. Таких фирм после прошлого года осталось три на всю страну, и договоры у всех трёх одинаковые.

— Тогда пусть подписывает директор. Он агента покупал.

— Директор подписал приказ, по которому подписываешь ты.

Вера засмеялась и сразу перестала.

— Получается, крайняя я.

— Получается. Раньше крайних было больше.

— А если я буду подписывать не глядя? Как все.

— Будешь, — сказал Селиванов. — Месяца через два.

Пятнадцать партий за ночь ногами не обойдёшь, а склад в другом корпусе.

— И все будут знать, что я не глядела. Вы, директор, головная. Кого тогда обманывает эта подпись?

— Никого. Она не для обмана.

— А вы сами подписываете не глядя?

— Я читаю.

— Читать и смотреть не одно и то же.

Селиванов поставил банку на стол.

— Подпись, Вера, это адрес. Больше ничего. Случится что, придут по адресу. Спросят: ты? Ты скажешь: я. И всё.

— Придут, а по адресу человек, который партию в глаза не видел. Что это за адрес?

— Им хватает, — сказал Селиванов.

Подписывать фланцы Вера не стала и открыла следующий акт.

3

Селиванов надел очки. Остальных актов в ту ночь было четырнадцать: гайки, прокат, электроды, кабель и прочая мелочь. Вера подписывала быстро, Селиванов медленно.

— Кабель опять без реестра, — сказала она. — Третья партия от них за месяц.

— От тех же?

— От тех же.

— Их с прошлой осени нет. Кто-то продаёт остатки под их бумагами.

Вера сказала агенту «отказ, письмо поставщику», получила готовый текст и отправила, не читая. Фланцы так и висели в очереди.

В начале второго она сказала, не отрываясь от экрана:

— Мама звонила. В Ольховке опять три дня света не было.

— Зимой?

— Говорят, линию меняют.

— Её с восьмидесятых меняют, — сказал Селиванов.

— Теперь по-настоящему. Мощность тянут под какой-то завод.

— Под завод поменяют.

Около половины второго в дверь постучали. Вошёл Кутепов, в пиджаке и при галстуке.

— Аркадий Петрович, мне нужна справка по мобзапасу, — сказал он. — Крепёж, восьмая секция. Что годен.

— Когда его последний раз смотрели?

Кутепов заглянул в планшет.

— По журналу в двадцать шестом.

— Вот пусть журнал и подписывает.

— Журнал не может, — терпеливо сказал Кутепов. — В девять проверка.

— В семь схожу, посмотрю. Если годен, подпишу.

— В семь секция закрыта. Ключи у меня.

— Значит, в семь с ключами.

Кутепов подумал и кивнул.

— В семь, — сказал он и вышел.

Минут через десять Селиванов посмотрел в угол у окна, где теперь стоял стеллаж, и спросил:

— Ты стилоскоп когда-нибудь видела?

— На картинке, в институте. Спектр в окуляре. А что?

— Потом расскажу.

Без двадцати три Вера встала, сняла со стеллажа штангенциркуль и повернула его к лампе, чтобы прочесть дату проверки на наклейке. Потом надела куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.